
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Ч.Г. АНДРЕЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДУХОВНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И ОБЩЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Во второй половине XIX–начале XX вв. происходили не только определенные изменения в познавательной активности коренных народов Восточной Сибири, но и эволюция их религиозных воззрений. А, религия играла важную роль в их образе жизни. Во второй половине XIX–начале XX вв. в сознании аборигенов почти в неприкосновенности сохранялись многие элементы языческого верования, они знали обряды, поверья и обычаи, связанные с ними. Шаманистическое мировоззрение складывалось на основе наивно-оптимистических и мифологических воззрений, давало свое решение вопроса о взаимоотношениях человека и окружающего мира, содержало принципы поведения и вообще деятельности человека, моральные нормы и другие аспекты духовной деятельности. Шаманистические нормы поведения, тесно связанные с моралью, касались всех сторон образа жизни аборигенов, навязывали им определенный тип поведения, конечным результатом которого было умилостивление сверхъестественных сил.

Определенное влияние на эволюцию традиционных религиозных воззрений бурят, хакасов и якутов оказала христианская религия, проникновение которой началось с появлением первых русских землепроходцев в Восточной Сибири. Во второй половине XIX–начале XX вв. усилилась политика царского правительства по христианизации нерусского населения Сибири (*Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–начало XX вв.). Иркутск, 1986. С. 138–162*). Влияние христианства на шаманскую религию выразилось в появлении в шаманском пантеоне богов христианского происхождения. Особенно в этом отношении повезло святому Николаю-угоднику. Его культ был особенно распространен у тех групп «инородцев», где земледелие получило наибольшее развитие.

Влияние христианства на шаманскую религию аборигенов Восточной Сибири сказалось в ее культовой системе, в частности, в календарных сроках устройства коллективных, религиозных жертвоприношений (тайлаганов и др.). В конце XIX–начале XX вв. в ведомствах крещеных «инородцев» установилась традиция приурочивать последние к христианским праздникам: в июне — к Петрову дню, в июле — к Ильину дню, осенью —

к Покрову (*АВИВАН (СПб.О). Ф. 62. Оп. 1. Д. 6. Л. 12*). Само собой понятно, что такой поворот в сознании и деятельности не был скоротечным и не имел необратимого характера. Аборигены, освоив православную обрядность, оставались полными невеждами в православной догматике.

С другой стороны, было бы неправомерным не обращать внимания на позитивные черты в истории крещения коренного населения Восточной Сибири. Крещеные буряты, хакасы, якуты в большей степени, чем некрещеные, приобщались к российской культуре, больше создавали школ европейского типа, быстрее и шире усваивали традиции общественного и семейного быта русских. В конце XIX—начале XX вв. школы, книги, журналы, деловые связи с деятелями науки и культуры, одежда европейского покроя, предметы русского домашнего обихода, знание и соблюдение многих правил санитарии и гигиены были уже распространенным явлением у крещеных «инородцев» (*АРАН(СПб.О). Ф. 135. Оп. 2. Д. 258. Л. 61*). В связи с переходом к православию аборигены расширяли и активизировали хозяйственно-экономические и культурные связи с русским населением, овладевали русским языком, усиливались их мобильность и социальная активность.

Наряду с христианством к сибирским аборигенам проникала и другая мировая религия — ламаизм. Ламаизм пустил глубокие корни в Забайкальской области, где из каждой тысячи бурят 917 были приверженцами данной веры (*Сибирские вопросы. 1908. № 37–38. С. 22–23*). Ламаистская религия оказалась более социально-совместимой с традиционным образом жизни аборигенов. Вместе с тем, даже там, где ламаизм утвердился более или менее прочно, древние шаманистические представления, обычаи и традиции продолжали сохраняться. В целом, религиозность коренного населения Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) в конце XIX—начале XX вв. представляла собой сплав различных воззрений и действий. Вместе с тем, в синкретичной системе верований и культа аборигенов Восточной Сибири доминирующим оставался шаманизм.

В традиционном образе жизни коренных народов Восточной Сибири большое место занимали повседневные взаимные визиты родственников, живших в одном улусе и соседей. Дореволюционные исследователи неоднократно отмечали такую добрую традицию, сложившуюся веками у народов Сибири, как гостеприимство. Большую роль в общении аборигенов играли традиционные в прошлом местные базары, на которые съезжались и сходились жители нескольких окрестных улусов (аалов). В базарные дни происходило много новых знакомств и среди взрослых, и среди молодежи, которая ходила на базар, как на зрелище. Общение аборигенов происходило во время так называемых помочей. Например, при возведении жилища, сенокосе, заготовке дров, вывозе навоза, катании войлока и др.

Важное значение в жизни бурят, хакасов, якутов имели общественные сходы (например, у бурят-сугланы), которые были малыми и боль-

шими. Малые сходы собирались для разрешения родовых вопросов, для выбора должностных лиц, исполняющих обязанности родовых старост и пр. Большие сходы собирались при инородных управах для выбора голов и членов управ, переделов земли между отдельными родами, для раскладки повинностей и податей. У сибирских аборигенов многие праздники были связаны с хозяйственным календарем. Так, хакасы в конце мая — начале июня после перекочевки скотоводов с зимника на летник устраивали Тун пайрам. В это время перезимовавший скот поправлялся на первом зеленом корму, и появлялись первые молочные продукты. Праздник Тун пайрам был связан с почитанием скотоводства — основы традиционного хозяйства (*Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. Абакан, 1998. С. 236*). У бурят, хакасов, якутов к календарным праздникам природно-хозяйственного цикла относились весенние, летние и осенние жертвоприношения «хозяевам» земли, той местности, где жили родовые и территориально-общинные коллективы. Эти обряды были составным элементом традиционного образа жизни и собирали большое количество участников, объединенных узами родового единства.

Праздничные календарные обычаи и обряды включали в себя в большом количестве спортивные элементы: борьбу, конные состязания и др. Существовала, таким образом, еще одна сфера, где человек мог «выделиться», продемонстрировать свои способности — в данном случае физические. Общественные праздники у аборигенов Восточной Сибири содействовали формированию праздничного настроения, эмоционального подъема, отвлекали от повседневных забот. В связи с изменениями социально-экономических условий, и особенно с проникновением капиталистических отношений, старинные народные праздники и спортивные игры в регионах Восточной Сибири, где проживало коренное население, развивались неравномерно. У скотоводов они имели довольно широкое распространение, а у аборигенов, перешедших к занятию земледелием — меньшее. Общение у последних происходило не только во время традиционных национальных праздников, но и на проникших к ним, под влиянием русского населения, христианских праздниках.

Большую роль в общении народов Восточной Сибири играли межэтнические контакты, и прежде всего, с русским населением, которые начались со времени включения Сибири в состав Российского государства. В XVII–XVIII вв. контакты бурят, хакасов, якутов с русскими носили характер заимствований и подражаний со стороны аборигенов, зачастую случайных и механических, не изменяющих традиционный образ жизни. В XIX в., особенно со второй его половины, в связи с проникновением капиталистических отношений, расширяющиеся связи общения интенсифицировали процесс усвоения народами Сибири новых ценностей хозяйства, материальной и духовной культуры и др.

Контакты с русскими культурными центрами, знакомство с разными слоями русского общества, возможность сбывать свои продукты на рынке за наличные деньги привили аборигенам новые потребности и привычки. За время соседней жизни между народами Восточной Сибири и русскими сложились отношения взаимопомощи. Большая часть аборигенов имела в ближайших русских деревнях своих дружков, знакомых. Точно также русские, со своей стороны, заручались своими дружками по улусам (аалам). В неурожайные годы аборигены и русские помогали друг другу скотом, хлебом и т.п. (*Кудрявцев Ф.А. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII–XX вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 88–89*).

Существовали и другие формы взаимопомощи: совместные артели охотников, рыбаков, возчиков и др. Устраивались совместные «помочи». Если общение между простым населением улуса (аала) и деревни носило в целом дружелюбный характер, то отношение аборигенов к представителям официальной власти и религии было настороженным. В жизнь аборигенов проникал бюрократизм. В начале XX в. буряты, хакасы, якуты стали оформлять различные рапорты, прошения, распоряжения, предписания, расписки, соглашения и прочие деловые бумаги. В это время произошел резкий перелом не только в количественном росте документов, но и в оформлении, стиле и языке этих документов (*РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 324. Л. 35*).

Плохое влияние оказывали на аборигенов уголовные ссыльнопоселенцы. В делах о кражах, грабеже, обманах, вымогательстве «инородцев» — то и дело фигурировали разные «беглокаторжные». В отличие от уголовно-ссыльных, особые отношения сложились у бурят, хакасов, якутов с политическими ссыльными. Во второй половине XIX– начале XX вв. в Восточной Сибири пребывали представители почти всех революционных течений, партий и групп — польские повстанцы, народники, участники первых рабочих кружков, деятели демократических партий России и др. Большинство этих ссыльных, будучи представителями передовых политических течений, с большим сочувствием относились к аборигенному населению, стремились распространить среди последних просвещение.

Т.В. АНКУДИНОВА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И г. ГОРНО-АЛТАЙСКА в 90-е гг. XX в. (на примере ЖКХ)

Важнейшим элементом социального развития региона является состояние жилищно-коммунального хозяйства.

В соответствии с действующим законодательством обеспечение населению необходимых условий жизни являлось прерогативой мест-